

Мидори Ямада

БОЛЬШАЯ ПОДРУГА РОССИИ

Начиная с 1991 года и вот уже на протяжении 30 лет в России есть человек, обучающий всех желающих различным японским искусствам – от икебаны и чайной церемонии до живописи в стиле суми-э и искусства традиционного национального танца. Это Мидори Ямада, профессор со-катоку (высшая ступень профессора по икебанае школы Икэнобо). Она воспитала много учеников и в Японии, и в России. Даже сейчас с энтузиазмом устраивает лекции по японской культуре. Во время интервью мы спросили у Ямады-сэнсэй о том, в чем источник энергии, позволяющей ей говорить, что она до сих пор изучает японскую культуру, хотя посвятила этому 60 лет своей жизни, и что она думает о своих русских учениках.

Мидори Ямада

Родилась 15 февраля 1936 года. В 1959 году устроилась на работу в старейшем в Японии универмаге «Мицукоси», затем работала секретарем депутата парламента Японии. С 1978 года начала преподавать икебану и чайную церемонию в Японии. В 1989 году отправилась в Россию изучать русский язык. С 1991 года почти постоянно проживает в Москве, преподает икебану (школа Икэнобо) в России и странах бывшего СССР, а также возглавляет московский филиал школы Икэнобо. С этого же времени каждый год приглашает преподавателей из Японии, проводит выставки и курсы по икебанае. В 1999 году закончила магистратуру филологического факультета МГУ. В 2006 году получила Серебряную чашу – награду МИДАа Японии – за вклад в развитие японо-российских отношений. В 2008 году получила орден Восходящего солнца, Золотые и серебряные лучи от правительства Японии за вклад в деятельность по развитию японской культуры за пределами Японии. В октябре 2021 на III Евразийском женском форуме получила премию «Общественное признание» из рук председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко за вклад в распространение японской культуры, в том числе, чайной церемонии садо и икебаны в России и странах бывшего СССР.

– В этом году исполняется 30 лет с тех пор, как Вы начали свою деятельность в России. Что послужило отправной точкой для этого?

– Я приехала в Россию в 1989 году. В то время, когда я посещала языковой курс в Москве в университете, я как-то была на выставке, устроенной академией наук. Возвращаясь оттуда, прошла по рынку, и обнаружила там магазин бамбуковых изделий. А когда заглянула внутрь, мне в глаза бросилась ваза для цветов из бамбука вовсе не европейская на вид, а лаконичная, какую используют в Японии для цветов во время чайной церемонии. Она меня заинтересовала, и я спросила на своем тогда еще ломаном русском языке, для чего ее используют и получила ответ: «Для икебаны». Это вызвало у меня еще больший интерес: значит, в России есть люди, увлекающиеся икебаной. Я стала расспрашивать продавца обо всем этом так, что мы подружились, и рассказала, что сама преподаю икебану в Японии.

Меня попросили: «Научите нас, пожалуйста!». Получив приглашение давать уроки икебаны, сказала, что если найдется место, где их провести, то, конечно же, приду куда-угодно, оставила координаты, как со мной можно связаться. И сразу же мне сообщили, где будет занятие. Это был Дом культуры у метро Чертановская, там собралось 12 человек. Конечно же, я и не думала, что буду преподавать икебану в России в то время, но прочитала лекцию об икебанае, рассказала об истории этого искусства и продемонстрировала основные формы, используя всего лишь одни ножницы. Меня умоляли продолжать эти занятия, и в итоге вышло так, что я предложила проводить занятия при условии, что ученики смогут принести хотя бы ножницы и ножи, любые цветы. И так начала проводить занятия регулярно, раз в неделю. По мере того как моя учеба в университете подходила к концу, приближался срок возвращения в Японию, число участников, т.е. учеников

в группе икебаны с каждым занятием увеличивалось. В ответ на их ожидание продолжить занятия я пообещала вернуться через три месяца: продлила обучение в университете еще на полгода и, оставив вещи в общежитии, вернулась в Японию.

Но и в Японии было много учеников, ожидавших моего возвращения. Я убедила их, что в Японии таких учителей, как я, предостаточно, рекомендовала поискать другого наставника и продолжать занятия с ним. Сама же вернулась в Россию. Прошло уже 30 лет, а они все ждут моего возвращения в Японию. (Смеется.)

– Каким было Ваше первое впечатление, когда Вы только начали обучать икебанае в России?

– Было впечатление, что все ученики так или иначе по-своему понимают икебану. Вместе с тем все аранжировки были в европейском стиле и похожи одна на другую. Их нельзя было назвать икебаной: у них и цветовое сочетание другое, и манера создания пустого пространства также другая. В икебанае есть школа Согэцу, в которой не требуется строгого соблюдения типовых форм, а ценится свободное выражение. Однако я заметила, что и от стиля Согэцу они тоже отличаются и совсем не японские. Каждый раз, когда посещала российскую провинцию, специально заглядывала в цветочный магазин, и в каком городе бы он ни находился, удивлялась тому, что продаются одинаковые по форме букеты. Спросив у продавщицы, где она училась их составлять, неизменно слышала в ответ: «Прошла двухнедельный курс в Германии и получила там сертификат».

Однажды я была на выставке икебаны школы Согэцу, куда меня пригласили, и увидела композицию, напоминающую *рикка*. *Рикка* – это самая старая из форм икебаны стиля Икэнобо, воспроизводящую природный пейзаж. Как человек, занимающейся Икэнобо, я этому обрадовалась, но потом оказалось, что эта композиция сделана по инструкции человека школы Согэцу, поняла, что сделали произведение, скорее, глядя на фотографии. Таким вот было мое первое впечатление о русской икебанае.

– Показы цветочных аранжировок во время празднования 850-летия основания Москвы стали очень ярким событием.

– Для празднования юбилея в Россию приехала делегация из 90 последователей школы Икэнобо, возглав-

ляемая наследником рода Икэнобо, чтобы провести показы и выставки в Москве и в Санкт-Петербурге: в Кремле и в Эрмитаже. Члены делегации безвозмездно передали нам в большом количестве вазы, ножницы и другие инструменты. Благодаря этому, практические занятия икебаной словно вошли в свое русло. В школе Икэнобо существует много типовых форм для аранжировки, и в зависимости от них подбирается ваза. И так как мои ученики стремительно «выросли» в своем умении составлять композиции, каждый раз, возвращаясь из Японии, я стала привозить новые вазы и инструменты.

В Кремле, в самом значимом для России месте, мы смогли при поддержке дочери Юрия Гагарина Елены устроить выставку цветочных композиций и продемонстрировать мастерство главы школы Икэнобо. Единственное, мне было жалко, что на эти мероприятия не было свободного доступа для обычной публики. В то время выбор цветов был невелик, это была эпоха, когда были доступны разве что розы и гвоздики. В качестве подарка из Японии в один из российских ботанических садов были присланы 50 деревьев сакуры, а также японский ирис, пионы, флоксы и другие растения. Эти растения достаточно подросли для того, чтобы их можно было сколько угодно использовать на занятиях и, если не ошибаюсь, троих из моих учеников взяли в штат ботанического сада.

– Вы ведете активную деятельность повсюду на территории бывшего СССР.

– Кроме Дальнего Востока – Владивостока, Сахалина, Камчатки – я каждый год несколько раз направляю моих учеников для проведения практических занятий в Прибалтику и другие места. В восточной Европе, на Украине и в Молдове мы тоже работаем, там есть филиалы, их возглавляют наши люди. Почти в течение двух лет я не могла в достаточной мере

проводить занятия из-за распространения коронавирусной инфекции и была очень огорчена этим. Но в этом году в мае съездила в Молдову. Еще у меня есть планы поехать на выездные занятия в Ригу, Туркменистан и Беларусь, но пока они все откладываются и откладываются.

Кроме этого, благожелательно относятся к икебанае и в Узбекистане. Дружелюбно встречают в Туркменистане: там есть школы с отделением японского языка, они с энтузиазмом занимаются. Они проявляют интерес не только к икебанае, но и живописи *суми-э*: практикуются в рисовании картин на одном листе до тех пор, пока он не станет от чернил черным. Я была также в Иране, и с удовольствием поеду в любую другую страну, потому что люди везде интересуются японской культурой, наслаждаются ей. В Армении, получившей влияние иранской культуры, составляют композиции из цветов в особой атмосфере. Это расширяет мой кругозор.

– А что Вами руководило, когда Вы приняли за преподавание чайной церемонии садо, суми-э, японского танца и других традиционных искусств?

– Думаю, что путь, по которому я шла всю жизнь, как бы с самого начала вел меня

именно в этом направлении. Я родилась в китайском Харбине, в моих детских впечатлениях о городе запечатлелась Европа. Вблизи нашего дома находился универсам «Виктория», и я до сих пор помню тамошние эклеры. А когда наступал вечер, мы катались на конных повозках по кварталу, вдоль дорог которого росли деревья акации, или гуляли по набережной реки Сунгари. Такие у меня сохранились воспоминания.

После войны мы вернулись в Японию и первое

время постоянно переезжали из-за работы отца. Но после того, как мы обосновались в Камакуре, я заново открыла для себя традиционную японскую культуру: параллельно с работой продолжала заниматься чайной церемонией и икебаной, которым начала учиться в студенческие годы.

В чайной церемонии приходилось много чего изучать. Например то, как написать *сикиси* – сезонную каллиграфию с картиной, которая украшает комнату *ёрицуки*, в которой принято приводить себя в порядок перед тем, как войти в комнату для чайной церемонии. Однако Камакура – именно то место, где для этого все есть, и я легко находила наставников, у которых можно учиться в конце недели.

Танцем стала интересоваться благодаря фестивалю Ёритомо, который проводят в синтоистском храме Хатимангу все там же, в Камакуре. Там же начала учиться игре на традиционном японском инструменте *кото*: мне показалось, что это проще, чем научиться играть на пианино. И вот теперь чувствую, что вправду говорят: «Искусство помогает жить».

Больше всего за то, что у меня была возможность изучать различные японские культурные практики,

я благодарна своей матери, которая ласково говорила: «Деньги на занятия – это затраты на будущее». Деньги нужны были на инструменты для икебаны, на выставки цветочных композиций, на чайные церемонии, танцевальные выступления. И сейчас, как подумаю, инвестированы значительные суммы. Потому стараюсь оставить продолжателей своего дела, видя в этом свою обязанность. Мной движет цель передать, делая все возможное, последующему поколению глубину японской культуры.

– Каково Ваше впечатление от учеников в России?

– В отличие от японцев русские – люди открытые, поэтому в некотором смысле сближение тоже происходит иначе, с ними легко общаться. В этом есть и хорошее и плохое. Несмотря на то, что я прожила в России 30 лет, мне как японке бывает хочется сказать: «Если бы я была в этой ситуации, воздержалась бы от такого высказывания». Я думаю, что русским, возможно, трудно понять японский стиль общения, выражаемый пословицей: «Если рыба любит воду, то и вода полюбит рыбу». Это значит, что человек как бы авансом должен проявить дружелюбие и таким образом заранее расположить к себе другого.

Тем не менее, когда я даю надеть кимоно, которое носила, одной ученице, другая обращает на это внимание и начинает ей завидовать. И нужно думать о том, как соблудности ровное отношение ко всем ученикам группы, когда хочется подарить вазу кому-то из учеников и вознаградить его таким образом за старание на занятиях. Возможно, эти случаи возникают в связи с трудностями из-за моего несовершенного русского языка. Если я болею, ученики настолько сильно проявляют заботу обо мне, что я не могу спокойно полежать. Ну и с днем рождения они поздравляют меня всей группой.

– Вы практикуете различные японские искусства. В них заложено стремление к совершенствованию, которое традиционно выражается иероглифом "до", или «путь». Что такое истинный «путь» для Вас?

– Действительно, я изучала разные искусства, имеющие в своем названии иероглиф «путь» или его предполагающие – начиная с икебаны, это и чайная церемония *садо*, и национальный танец, игра на *кото*, другие. Вместе с тем мне хотелось самой красиво написать приглашения и приветственные слова, каллиграфию *сикиси* для сезонного украшения комнаты *ёрицуки*, свиток для ниши, меню для традиционного банкета. Я более 10 лет изучала, как приготовить трапезу *кайсэки* – изысканные японские блюда, которые принято подавать перед чайной церемонией. Я уже

три месяца преподаю этот способ приготовления японских блюд и как раз в эти дни начнутся практические занятия. «Путь» – это для меня совершенство, нечто, конца чего очень трудно достичь, даже когда очень стараешься и пытаешься это сделать.

– Расскажите, пожалуйста, о Ваших дальнейших стремлениях, планах.

– Я много об этом думаю. Мне уже много лет, а в России нет других мастеров ни школы Икэнобо, ни школы Омотэ-сэнкэ. И я беспокоюсь, как будут продолжать свое обучение мои ученики в будущем. Я сама изучала японскую культуру более 60 лет и до сих пор продолжаю это делать. Возвращаясь в Японию и встречаясь со своими давними коллегами, я хорошо понимаю, что даже традиционная культура постоянно меняет свой облик. Та же икебана сейчас меняет свои формы, чтобы более подходить современной архитектуре.

С чайной церемонией тоже все сложно: думаю все время, кто будет учить таинству, которое принято передавать непосредственно от мастера ученику, и как бы решить этот вопрос в ближайшем будущем. Хотелось бы переправить в Россию оставшиеся в Японии предметы для чайной церемонии, раздать их побыстрее ученикам. Однако вот уже два года почтовое сообщение между странами почти остановлено. И я, по правде говоря, с нетерпением жду, когда закончится пандемия и мы вернемся к свободе передвижения и пересылки вещей. Так что я вижу свою задачу в том, чтобы в отпущенное мне время увеличить количество лекций и писать для будущего. ▣

«Чистота и прохлада» традиционной Японии в центре Москвы

В конце сентября состоялась юбилейная выставка Ямада Мидори «Сэй рё – чистота и прохлада» в рамках ежегодного проекта «ИХОН НО БИ». «В Японии вы такой выставки не увидите», – заметил чрезвычайный и полномочный посол Японии в России Тоёхиса Кодзуки на церемонии открытия мероприятия. Уникальность проекта в том, что одно выставочное пространство объединило сразу несколько видов японского «изящного времяпрепровождения». Икебана школ Икэнобо и Согэцу, чайная церемония *тя-но-ю* школы Омотэсэнкэ, живопись тушью *суми-э*, экспозиция кимоно и аксессуаров, объемные фигуры оригами, искусно завязанные платки *фуросики*, вышивка на шарах *тэмари* – все многообразие традиционной японской культуры было представлено под крышей музея декоративного искусства в Москве – медитативно и эстетично.

На выставке были представлены работы группы «Химавари», филиала института Икэнобо в России (Санкт-Петербург), филиала Согэцу в Москве, московского отделения Ikebana International, школы Согэцу МАРХИ и других. Посетителям было предложено не только созерцать работы признанных мастеров, но и самостоятельно прикоснуться к прекрасному в ходе мастер-классов. Наконец, у гостей выставки была уникальная возможность записать свои заветные желания на *танзаку* – полосках бумаги, которые, согласно традиции *мэбари янаги*, привязываются к веткам бамбука или ивы. Далее *танзаку* с желаниями Ямада-сэнсэй планирует отвезти в синтоистский храм Роккакудо в Киото – именно в этом храме зародилась первая школа искусства икебаны в Японии.

«Большая подруга России»

В октябре 2021 на III Евразийском женском форуме, состоявшемся в Санкт-Петербурге, Мидори Ямада получила премию «Общественное признание», которую ей вручила лично председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко за вклад в распространение японской культуры, в том числе, чайной церемонии *садо* и икебаны в России и странах бывшего СССР. Во время мероприятия ведущий форума, ректор Академии русского балета имени Вагановой Николай Цискаридзе, представляя Ямада-сэнсэй, назвал ее «автором прекрасной книги о России и большой подругой России». Премия присуждается женщинам за их вклад в устойчивое развитие общества, борьбу за мир, за активную благотворительную и общественную деятельность. В 2021 году премию получили десять женщин. Кроме Мидори Ямада, лауреатами стали также многократная чемпионка по синхронному плаванию, обладательница золотых медалей Светлана Ромашина и всемирно известная оперная певица Хибла Герзмава.

